

На правах рукописи

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич

**МОДЕРНИЗАЦИЯ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
(1970-е-2005 г.)**

Специальность: 23.00.02 - «Политические институты,
этнополитическая конфликтология, национальные и политические
процессы и технологии, политические науки»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора политических наук

Москва - 2005 г.

Работа выполнена в Центре британских исследований
Института Европы Российской Академии наук

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук Перегудов Сергей Петрович

доктор политических наук Матвеев Рюальд Фёдорович

доктор политических наук Гаман-Голутвина Оксана Викторовна

Ведущая организация: Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД РФ

Защита состоится «21» июня 2005 г. в «15.00» часов на заседании
Диссертационного совета Д. 002.031.02 Института Европы РАН по адресу:
103873, г. Москва, ул. Моховая, 11, стр. 3 «В».

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ИЕ РАН.

Автореферат разослан «19» мая 2005 г.

Учёный секретарь Диссертационного Совета,

доктор философских наук

Е.В. Водопьянова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.

Великобритания - одна из первых стран либеральной демократии, в которой возникли политические партии, а затем сложилась партийно-политическая система двухпартийного типа. История её возникновения и утверждения растянулась с XVII по XIX век, в ходе которой протопартии - тори и виги - превратились в полноценные структурированные массовые партийные организации - Консервативную и Либеральную партии. В следующем столетии британская партийно-политическая система претерпела значительные изменения после того, как место либералов заняли лейбористы, однако, по сути, осталась двухпартийной, опирающейся на присущие британской политической модели принципы сдержек и противовесов между ветвями власти, суверенитета парламента и мажоритарную избирательную систему.

Процессы, обусловившие переход Великобритании от индустриального к постиндустриальному типу развития - новые принципы экономической деятельности, социальная и классовая фрагментация, культурные сдвиги, различные ипостаси глобализации - затронули все стороны жизни общества, включая партийно-политическую систему. С 1970-х годов начался процесс её модернизации, который принял не только форму крупномасштабных перемен в трёх ведущих партиях - Консервативной, Лейбористской и Либеральной, но и привёл к качественным изменениям самого характера системы, её состава, структуры и динамики.

Актуальность исследования определяется изучением комплекса качественных изменений, происходящих с партийно-политической системой современной Великобритании, их незаконченностью и важным значением для функционирования институтов либеральной демократии британского образца. Их анализ позволяет прогнозировать ход дальнейшей эволюции политических партий, осмыслить, как меняются механизмы борьбы за власть и перехода от статуса оппозиции к статусу правящей партии, какие политические силы или их комбинации в обозримом будущем получат доступ к государственной власти, и, следовательно, будут определять внутреннюю и внешнюю политику страны.

Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к анализу развития и состояния британской партийно-политической системы, её структуры и временном охвате исследования (1970-е - 2005 гг.). Впервые современная история британских партий взята в их совокупности и взаимосвязи, а их модернизация вписана в тему модернизации партийно-политической системы в целом. Описываются новейшие тенденции в идеологическом оснащении партий, а также впервые в российской партологии - региональные партийно-политические подсистемы, развитие которых рассматривается в русле укрепления федеративных элемен-

тов в государственном устройстве страны. Восполняется недостаток внимания к деятельности и классификации малых партий. В научный оборот российской политологии вводится масса новых источников и литературы, статистических данных и обобщений, применяются оригинальные подходы к анализу состояния и динамики развития партийно-политической системы, а также процессов модернизации политических партий.

Объект и предмет исследования. В последней трети XX века политическая система Великобритании, в том числе партийно-политическая система, которая выбрана объектом исследования, оказалась перед необходимостью приспособливаться к требованиям национального развития в условиях двуединого процесса глобализации и регионализации, размывания национального суверенитета и поступательной динамики европейской интеграции. В результате начался процесс модернизации британской партийно-политической системы, который является предметом исследования. Хронологическими рамками исследования служит период 1970-х - 2005 гг.

Теоретическая и методологическая основа исследования. В свете того, что объектом исследования является партийно-политическая система, методологическая основа исследования - системный анализ. Для раскрытия темы используются принципы теоретического и эмпирического анализа, включая количественные и статистические приёмы. В связи с тем, что партийно-политическая система представляет собой исторический феномен, развивающийся во времени и пространстве, важную роль играют исторический и хронологический подходы, ретроспективный анализ деятельности и развития политических сил. В свете многоаспектности партийно-политической системы и многогранности деятельности партий применяется метод синтеза при анализе теоретических и прикладных аспектов темы, обобщения информации. Используются теоретические концепции и междисциплинарные методологии, разработанные признанными авторитетами политической науки и партологии. При исследовании различных уровней британской партийно-политической системы широко применяется компаративный анализ.

В работе используются устойчивые термины и понятия, развитые в зарубежной и отечественной политической науке, особенно в партологии. Среди них фундаментальными являются: политическая система, партийно-политическая система, политическая партия, политическая модернизация, мажоритарная и плюральная модели демократии и др. С методологической точки зрения для раскрытия темы необходимы их обоснованность, чёткое и последовательное применение.

Автор исходит из того, что политические партии как институт политической системы формируется в своём современном виде не раньше XIX века. Их появление стало возможным благодаря сумме факторов. Поли-

тическая система достигла высокого уровня дифференциации и специализации, при котором весь комплекс выработки и реализации политических решений мог осуществляться силами нескольких постоянно и целенаправленно действующих коллективных политических субъектов, занимающих разные платформы, в том числе идеологические. Стало неизбежным применение принципа ответственного и представительного управления. Ряды электората разрослись настолько, что властные структуры не могли игнорировать его волю, были вынуждены учитывать его требования и ожидания. У партий появились внепарламентские массовые составляющие в виде местной сети партийных отделений и рядового членства.

В результате воздействия этих факторов на смену протопартий — факций, клиентел, аристократических клик, коалиций нотаблей, политических клубов и других непостоянных элитарных образований, пришли современные политические партии. При всём многообразии и непохожести, к ним применимо следующее определение: политическая партия — это структурированное и идеологически мотивированное устойчивое объединение людей, стремящееся к политическому влиянию и контролю над государственной властью с целью реализации своей программы общественного устройства и мобилизующее население в свою поддержку.

Политические партии в своей совокупности и взаимодействии являются центральным элементом партийно-политической системы (ППС), которая в свою очередь играет роль важного звена политической системы общества. Традиционным является определение партийной системы как политической структуры, состоящей из совокупности партий разного типа.¹ Однако в таком определении упускается из виду, что ППС не представляет собой механическую сумму входящих в неё партий. Наличие нескольких партий в стране не является достаточным основанием для того, чтобы говорить о складывании партийной системы.

Во-первых, задачи, которые стоят перед политической партией и партийной системой, не совпадают. Если каждая политическая партия в отдельности стремится к завоеванию политической власти или к контролю над ней для выполнения воли своего электората, то партийная система призвана обеспечить эффективное делегирование воли народа политическим институтам и сбалансированное представительство интересов ведущих социальных групп в государственных органах власти.

Во-вторых, совокупность политических партий представляет собой разновидность партийной системы лишь тогда, когда они находятся в отношениях взаимозависимости и взаимовлияния, руководствуются формализованным или неписаным сводом правил политической борьбы, в том числе: краеугольным принципом ротации политических сил у власти

¹ Например, см.: Политическая энциклопедия, Том 2. М.: Мысль, 1999. С. 118.

и способностью идти на компромисс, устойчиво позиционируют себя в отношении друг друга по определённым кливажам, включая устоявшиеся идеологические ориентиры и группы электората. Только в этом случае механическая сумма партий превращается в жизнеспособную и динамичную структуру и возникает партийная система.

В свете вышесказанного партийно-политическая система определяется как система устойчивых взаимоотношений политических партий, обеспечивающая представительство электората в законодательных и исполнительных органах власти и реализацию его воли государственными органами власти.

Политическая модернизация обозначает способность политической системы государства видоизменяться на новом этапе общественного развития. Эта способность проявляется в перестройке существующих политических институтов, включая партийно-политическую систему и государственное устройство страны, и в создании новых, в изменении алгоритмов действий политических элит и лидеров. В такой интерпретации политическая модернизация не равносильна политическому реформированию, которое означает косметический, а не капитальный ремонт политической системы, повышение её эффективности с помощью улучшения количественных, а не качественных показателей развития.

Применительно к рассматриваемому периоду британской истории политическая модернизация означает переход от "общества модерна" к "обществу постмодерна", т.е. способность политической системы развитого государства адаптироваться к условиям постиндустриального общества на основе принципов плюральности, толерантности, разнообразия культур, готовность политической элиты интегрировать интересы и требования оппозиционных группировок и меньшинств. Новый виток политической модернизации Великобритании пришёл на смену "первичной" модернизации (в отличие от "вторичной" модернизации, характерной для государств догоняющего типа развития), имевшей место в государствах, перешедших от аграрного к индустриальному типу развития на базе внутренних, а не внешних импульсов.

¹ Известная классификация предыдущих этапов политической модернизации Великобритании принадлежит Сэмюэлю Бирю: старый торизм (17 век), старый вигизм (18 век), к которому он относит начало эпохи модерна в Англии, либерализм и радикализм (19 век), коллективизм (20 век). Позже к этой типологии Бир добавил постколлективистский этап, начало которого отнёс к рубежу 1960–70-х годов. См: Samuel H. Beer. *Modern British Politics*. London: Faber and Faber, 1982. О волнообразном характере процесса модернизации см.: В.И. Пантин. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М.: Московский философский фонд, 1997.

В анализе партийно-политических процессов в современной Великобритании ключевое значение имеют понятия мажоритарной и плюральной демократии. При мажоритарной модели демократии с британской спецификой (вестминстерская модель) политическая система отличается концентрацией исполнительной власти в руках однопартийного правительства, располагающего большинством и доминирующего в парламенте. Имеет место частичное слияние функций законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. Партийно-политическая система обладает строго выраженным двухпартийным характером. Выборы проходят по мажоритарному типу избирательной системы, которой присуща культура политического противостояния. Государственное устройство - унитарное. Краеугольным принципом конституционных отношений в условиях "неписаной конституции"¹ является суверенитет парламента, который характеризуется ассиметричным бикамерализмом с доминирующей ролью нижней палаты. Механизмы прямой демократии применяются в исключительных случаях.

Идеальному типу плюральной модели демократии свойственны такие принципы, как коалиционный характер государственного управления, чёткое разделение законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, многопартийная система (в отличие от двухпартийной), применение пропорционального типа избирательной системы на выборах, многовекторная модель партийной конкуренции. Государство имеет децентрализованное унитарное или федеративное устройство. Высший законодательный орган власти функционирует по принципу сбалансированного бикамерализма. Страна обладает кодифицированной конституцией и независимым Центральным банком. Широко используются механизмы прямой демократии.

Одной из разновидностей плюральной модели является консоциативная демократия (демократия согласия, сообщественная модель развития).² Она представляет собой альтернативу мажоритарной демократии в

¹ "Не кодифицированное" – более точный термин в применении к британскому конституционному праву, так как его значительная часть "записана": парламентские акты (статутное право), судебные постановления (прецедентное право), правила, обычаи, устоявшаяся практика работы парламента и правительства (конвенции), королевские prerogatives, работы британских правоведов XIX века, правовые акты ЕС, инкорпорированные в британское законодательство.

² Впервые разработана в западной политологии Арендом Лейпхартом. См.: Arend Lijphart. *Consociational Democracy*. // *World Politics*, N 21, January 1969; *Typologies of Democratic Systems*. // *Comparative Political Studies*, Vol. 1, N. 1, 1968; *Democracy in Plural Societies*. New Haven: Yale University Press, 1977. В британской политической науке развита применительно к политическому процессу в Северной Ирландии Бренданом О'Лири, Джоном Макгари, Стефаном Уолфом и др.

многосоставных, плюралистических обществах с фрагментированной политической культурой и может иметь как широкое, так и узкое толкование. В узком смысле она обозначает демократическое устройство общества, разделённого этнонациональными и сопутствующими им религиозными и культурными кливажами, и покоится на таких критериях, как квотирование по этнонациональному признаку при формировании исполнительных органов власти и пропорциональности при избрании законодательных, автономия и равенство общин, право вето для меньшинств.

В широком смысле консоциативная модель демократии описывает такую степень зрелости демократического общества, достигшего нового уровня структурной дифференциации, когда политические элиты страны готовы отказаться от централизованной модели демократии, отражающей интересы большинства, и от монополии принципа прав индивида в пользу механизмов согласования интересов организованных крупных и мелких социальных слоев и сочетания прав индивида и общественных групп.

Цели и задачи исследования. Автор диссертационной работы исходит из того, что в последней трети XX века партийно-политическая модернизация Великобритании проходила в рамках процесса эволюции либеральной демократии. В качестве научной гипотезы выдвинут тезис о том, что если в 1945–70 гг. в Великобритании доминировала мажоритарная модель демократии (вестминстерская), то в 1970-е - 2005 гг. по отдельным параметрам она уступила место плюральной (консенсусной)¹. В частности, исследование направлено на то, чтобы обосновать предположение о сдвиге политической системы страны от мажоритарного типа к плюральному, включая консоциативную модель демократии, на примере развития британской партийно-политической системы. Ставится цель показать, что в результате произошедших в 1970-е - 2005 гг. изменений партийно-политическая система Великобритании на своих подуровнях превратилась из двухпартийной в многопартийную², а на общенациональном - в двухполовинную (систему "двух с половиной партий").

¹ Разработка идеальных типов мажоритарной и консенсусной демократии, а также их прикладное использование при анализе современной британской политической истории периода 1971–96 гг. принадлежит Аренду Лейпхарту, см.: Arend Lijphart. *Democracies: Patterns of Majoritarian and Consensus Government in Twenty-One Countries*. New Haven and London: Yale University Press, 1984; Arend Lijphart. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty Six Countries*. New Haven and London: Yale University Press, 1999.

² Здесь многопартийность указывает не на количество партий в партийной системе, а обозначает способность более двух из них (в отличие от двухпартийной системы) претендовать на доступ к управлению страной на всех или некоторых уровнях государственной власти.

Кроме того, для раскрытия темы необходим анализ того, как модернизация партийно-политической системы Великобритании соотносится с заменой социально-реформаторского цикла либерально-рыночным и с процессом федерализации государственного устройства страны, как изменилась внешняя и внутренняя "среда обитания" политических партий, которые по ряду параметров обрели новые качества, пересмотрели принципы своей организации, идеологии и электоральной политики. В начале XXI века эти процессы продолжают развиваться и формировать политический облик Великобритании, механизмы принятия решений на всех уровнях власти, влиять на государственное устройство, исполнение демократических процедур.

Степень научной разработанности проблемы. Британская политическая наука выделилась в самостоятельную научную дисциплину после Второй мировой войны. Партии как политический институт и партийно-политическая система лишь во второй половине XX века стали предметом исследований, которые до недавнего времени не отличались интенсивностью. Чаще всего они носили эмпирический, прикладной, дескриптивный характер, редко обращались к компаративистике, что было свойственно британской политологии в целом. В связи с этим взгляды и концепции немногих британских исследователей приобрели известность за рубежом. Они же широко использовали концептуальные и теоретические разработки иностранных учёных, среди которых видное место занимают Сэмюэль Бир, Роберт Даль, Энтони Даунс, Морис Дюверже, Отто Кирхаймер, Аренд Лейпхарт, Сеймур Липсет, Роберт Михельс, Джон Мэй, М.Я.Острогорский, Стейн Роккан, Джованни Сартори, Джозеф Шумпетер и др.

Первым видным британским специалистом, уделявшим значительное внимание концептуальной стороне исследований, стал Роберт Маккензи. В своём фундаментальном труде «Британские политические партии» (1955) Маккензи провёл анализ распределения власти в Лейбористской и Консервативной партиях и пришёл к выводу, что в обеих организациях главные рычаги управления находятся в руках лидеров и парламентских фракций, а массовые составляющие партий имеют второстепенное и соподчинённое значение. В 1970-80-е годы тезисы Маккензи были скорректированы и развиты Ричардом Роузом. В части критики речь шла о занижении Маккензи, с точки зрения Роуза, роли массовых составляющих партий. На важность теоретической стороны партологии указывал Энтони Кинг. Он привлёк внимание к необходимости изучения функций политических партий и их роли в политической системе.

К 1980-м годам тезис о фрагментации двухпартийной системы не вызывал серьёзных возражений. Несовпадение взглядов возникало при попытке объяснить это явление: оно истолковывалось и как проявление

новых характеристик системы с традиционным ярусом подсистем, и как процесс выделения из неё самостоятельных региональных партийно-политических систем. Однако даже первая, более консервативная интерпретация, появилась относительно недавно.

Деволуция 1998-99 гг. открыла новый этап в исследовании партийно-политической системы Великобритании. В современной научной литературе недостатка в развёрнутых интерпретациях отдельных аспектов партийно-политической модернизации нет. Льюис Бастон начало слома двухпартийной системы относит к 1974 г., после которого её эрозия прогрессировала. По мнению Дэвида Батлера и Денниса Кавана, региональные выборы 1999 г. привели к складыванию многопартийных систем в Шотландии и Уэльсе. Джон Кёртис и Майкл Стад на основе анализа всеобщих выборов 1997 и 2001 гг. сделали вывод о том, что способность трёх ведущих партий контролировать электорат существенно снизилась. Ричард Хеффернан указывает не только на трансформацию внешних границ британской партийно-политической системы, но и на перераспределение сил внутри неё. Необходимо отметить, что комплексный анализ модернизации современной партийно-политической системы Великобритании представлен единичными монографиями, центральной из которых является исследование Пола Уэбба «Современная британская партийная система» (2000), и чаще встречается как составная часть коллективных трудов.

В 1970-е годы началась дискуссия о природе политического процесса в Шотландии. В 1973 г. её открыл Джеймс Келлас, выдвинув тезис о том, что Шотландия обладает собственной партийно-политической системой. М.Китинг и А.Мидвинтер, со своей стороны, считали, что политические институты Шотландии были частью национальной политической системы, в которой верховная власть сосредоточена в руках британского парламента и центрального правительства. Вслед за ними С.Бут и С.Мур утверждали, что политическая система может возникнуть только на базе суверенных и автономных политических институтов, действующих в чётко определённых территориальных границах. Шотландия таким требованиям не отвечала. Более дифференцированный анализ политического процесса в Шотландии предложил Дж.Булпит. Он выдвинул тезис о "дуалистической политике", сложившейся в Шотландии в результате компромиссного характера англо-шотландской унии. Возникновение этого дискурса указывало на то, что традиционный взгляд на Соединённое Королевство как на государство с унитарным устройством и однородным политическим пространством перестал быть общепринятым уже в 1980-е годы. После деволуции 1999 г. тема формирования шотландской партийно-политической системы зазвучала с новой силой.

На фоне солидной литературы о политическом развитии Шотландии, Уэльс пользовался меньшей популярностью. Как правило, он становился объектом исследования наряду со своим северным соседом, Англией и местными органами власти. Однако в последние годы политические процессы в Уэльсе привлекают больше внимания, в том числе с точки зрения формирования собственной партийной системы. Критику вызвали попытки центрального правительства навязать региону своё видение политического развития.

Консоциативной модели демократии - уникальной черте партийно-политической системы Северной Ирландии, заложенной в Белфастском соглашении 1998 г., а также другим его аспектам, посвящены работы Брендана О'Лири и Рика Уилфорда. Последующее политическое развитие региона анализируют Джонатан Тонг, Пол Диксон, Уильям Кротти и др. Комплексное изучение процесса урегулирования североирландского конфликта предприняли Майкл Кокс, Адриан Гелкаи и Фиона Стефэн. Значительное количество работ написано на тему международного измерения проблемы Ольстера. Несмотря на большой объём литературы о современной политической истории Северной Ирландии, работы, содержащие целостный анализ динамики развития её партийно-политической системы, носят единичный характер.

Деволуция 1998-99 гг. затронула конституционные устои страны и неизбежно заострила проблематику фрагментации британской партийно-политической системы. Вопрос об эволюции партийной системы страны находится в неразрывной связи с проблемой идентификации британской нации. Если раньше доминировала точка зрения о Великобритании как об однородном государстве, игнорировалось своеобразие британского унитаризма, то затем англоцентрическая версия британской истории подверглась критике. Признанным авторитетом в области исследования британского конституционализма является Вернон Богданор. Для Нормана Дэйвиса британская история ни что иное, как тесное переплетение истории Англии, Ирландии, Шотландии и Уэльса. Он не исключает, что центробежные процессы в стране могут привести к её дезинтеграции. По мнению Дэвида Миллера, британская идентификация уже не обеспечивает чувство общности и принадлежности к единому целому. Факторы, долгое время объединявшие жителей страны - протестантизм, превосходство британских институтов власти, монархия, империя, - работать перестали. Дэвид Маркуэнд пришёл к аналогичному заключению, назвав идею "британства" в её нынешнем виде анахронизмом. В то же время оба исследователя убеждены в необходимости сохранить единство Великобритании путём дальнейшей модернизации её конституционного устройства.

Эндрю Марр утверждает, что после деволуции дрейф Шотландии от центра остановить нельзя. Главную причину ослабления британской

идентификации в пользу идентификаций национальных (или субнациональных) он усматривает в травме распада Британской империи, идеология которой была стержнем британского мироощущения. Если и есть способ сохранить единство страны, то это - федерализм. С точки зрения Тома Нэйрна, лейбористы глубоко заблуждаются, полагая, что деволуция остановит рост национализма. Для Энтони Клоиси незаменимость Великобритании состоит в опыте многонационального и мультиэтнического суверенитета, дробление которого усилит опасность идентификации на основе этнических и религиозных принципов.

XX столетие называют веком консерваторов, которые находись у власти намного дольше лейбористов. Несмотря на это, количество исследований, посвященных собственно партии, немного. Это объясняется непрозрачностью до недавнего времени внутренней структуры организации, её статичностью, устоявшимся со времён Роберта Маккензи стереотипом, что массовые звенья британских политических партий исполняют минимальные функции и не имеют большого значения. Эти представления были скорректированы существенным образом благодаря работам Р.Келли, проанализировавшим систему консервативных конференций, а также Пола Уитли и Патрика Сейда, изучавших массовую составляющую Лейбористской и Консервативной партий (в последнем случае совместно с Джеремией Ричардсоном). Процедуре избрания лидеров партий посвящена работа Малколма Паннета. Эмпирический характер исследований присущ авторам истории Консервативной партии - Роберту Блэйку и Алану Кларку.

В британской политологической литературе проблематика неоконсерватизма получила всестороннюю разработку. Авторы ряда работ анализируют тэтчеризм сквозь призму соотношения между тремя течениями в Консервативной партии: традиционалистов, прагматиков и реформаторов. Различные характеристики и интерпретации этого соотношения дали Уильям Уолдгейв, Иан Гилмор, Роджер Скратон, Морис Коулинг, Уильям Гринлиф, Питер Риделл, Роберт Скидельски, Хьюго Янг, Уильям Киган, Джек Брюс-Гардин, Мартин Холмс, Самуэль Бриттан, Ричард Кокетт и др.

Ряд авторов, включая Ш.Летвин и С.Холмса, относятся к числу апологетов тэтчеризма. Со своей стороны критически настроенные авторы, например, Уилл Хаттон, оценивают попытку внедрения свободнорыночной модели как попытку закрепить доминирующую роль финансовой сферы над "реальной экономикой", другие - как модернизацию капитализма в условиях постиндустриального общества с помощью монетарных методов и жёсткой политики на рынке труда (Эндрю Гэмбл, Мартин Жак, Стюарт Холл, Боб Джессоп).

Другие исследователи оценивают последствия политики тэтчеризма в первую очередь с точки зрения упрочения и централизации государст-

венной власти. Если в начале 1980-х годов Самуэль Бир описывал ситуацию ослабления государственной власти в Великобритании, то десятилетие спустя Саймон Дженкинс поставил государству противоположный диагноз: неоправданная централизация власти за счёт "демократии на местах".

В 1990-е годы оригинальные исследования консервативной мысли принадлежат Джону Грею и Дэвиду Уиллетсу. Если первый считает, что тэтчеризм выработал свой потенциал и подорвал традиционную электоральную и идеологическую базу Консервативной партии, то второй рассматривает этапы 1979-90 и 1990-97 гг. как поступательные и ориентированные на будущее. Джон Ранела оценивает Мейджора как "мягкого" тэтчериста, последовательного в экономических вопросах, но в то же время социального либерала.

Лейбористская партия привлекала к себе наибольшее внимание британских политологов. Этому способствовали яркая история её утверждения на политической сцене Великобритании, прозрачная внутренняя структура и богатая история отношений различных составляющих организации, реформаторская деятельность лейбористских правительств. Видными исследователями британского лейборизма до Второй мировой войны были Гарольд Ласки и Джордж Д.Х.Коул. Во второй половине столетия эта традиция была продолжена Энтони Крослендом, Ральфом Милибендом и Кеннетом Морганом. Отношения между ЛПВ и тред-юнионами, которые большую часть XX века были стовым хребтом партии, становились центральной темой исследований Дэвида Марша, Льюиса Минкина, Стива Лудлама.

Несмотря на относительную молодость феномена "новых лейбористов", сложился большой массив литературы, посвященный его генезису и развитию. Это объясняется не только тем, что представители этого течения в Лейбористской партии Великобритании (ЛПВ) руководят страной с 1997 г., оказав большое влияние на все стороны её жизни, но и тем, что путь к складыванию данного явления занял длительное время и состоял из нескольких этапов. Их исследовали Дэвид Маркуэнд, Пол Уитли, Эрик Шоу, Тьюдор Джоунс, Стив Филдинг и др.

Усилению интереса к истории Лейбористской партии способствовало празднование 100-летия ЛПВ в 2000 г. Среди трудов, приуроченных к этой дате, выделяется коллективная монография «Лейбористская партия: столетняя история» (2000) под редакцией Брайана Бривати и Ричарда Хеффернана. Глубоким компаративным исследованием британских левых как составной части европейского социалистического движения является фундаментальный труд Дональда Сассуна «Сто лет социализма. Западно-европейские левые в XX веке» (1997).

Перипетиям модернизации Лейбористской партии в 1990-е годы, критической оценке "нового лейборизма" посвящены работы Филиппа Гулда, Пола Андерсона и Нита Манна, Лео Панина и Колина Лейса, Эндрю Роунсли и др. Популяризированным описанием политической программы "новых лейбористов" перед выборами 1997 г. стала работа Питера Манделсона и Роджера Лиддла «Революция Блэра». Политика правительства в первые годы после прихода лейбористов к власти позволила сравнивать "новый лейборизм" и тэтчеризм. Многосторонний анализ первого срока пребывания "новых лейбористов" у власти предпринят в коллективных монографиях под редакцией Энтони Селдона, Стива Лудлама и Мартина Смита, Стефэна Сэваджа и Робина Аткинсона. Среди биографических исследований, посвященных лидерам лейбористов, признание получили работы Джона Рентула, Джона Кампфнера, Джона Сопела, Пола Рутледжа и др.

Со второй половины 1980-х годов дискуссия среди британских политологов развернулась по вопросу обновления идеологии Лейбористской партии и той сумме идей, которая позже, получив название "третий путь", была взята на вооружение "новыми лейбористами". Наиболее приемлемая для них версия "третьего пути" содержалась в работах Энтони Гидденса «Третий путь: обновление социал-демократии» (1998) и «Третий путь и его критики» (2000). Своими корнями она уходила в концепцию "нового времени", развитую на страницах журнала «Марксизм сегодня» Стюартом Холлом, Мартином Жаком, Чарльзом Лидбэттером и др.

Наиболее влиятельными критиками неолиберальной интерпретации "третьего пути" были Алан Финлейсон, Дэвид Маркуэнд, Джон Грей, Колин Хэй. С концепцией "соучастия" и общественного домена в работе «Государство, в котором мы живём» (1996) выступил Уилл Хаттон, который в последующем исследовании «Мир, в котором мы живём» (2002) использовал её при анализе международного положения Британии. Об идеологии "новых лейбористов" как о возрождении традиций левого либерализма писали Майкл Фриден, Самуэль Бир, Эндрю Винсент. На традицию христианского социализма в британском лейборизме указывал Крис Брайант. Многомерный анализ "третьего пути" предложили Майкл Кени и Мартин Смит. Интерпретации феномена глобализации с точки зрения идеологов различных версий "третьего пути" содержатся в коллективной монографии «На краю. Жизнь в условиях глобального капитализма» (2000). В последнее время концепции "третьего пути" и "нового лейборизма" не только переосмысливаются, но поднимается вопрос об их устаревании и необходимости замены. Наглядными примерами являются работы «Прогрессивный манифест» (2003) под редакцией Энтони Гидденса и «Закат общественного» (2004) Дэвида Маркуэнда.

В XX веке внутренняя структура ведущих британских партий претерпела глубокие изменения. История этой эволюции не раз становилась объектом исследования британских учёных. Ряд из них делает вывод о появлении феномена "современной кадровой партии", которая в своей деятельности руководствуется приёмами политического маркетинга и не нуждается в постоянном массовом членстве. Среди политтехнологий широкое распространение получили "фокус-групп" и феномен "спин-доктора"; чрезмерное стремление "новых лейбористов" контролировать средства массовой информации не раз было предметом острой критики.

Среди малых британских партий, помимо региональных, наибольшим вниманием политологов заслуженно пользовалась Либеральная партия, её взаимодействие с лейбористами в 1970-е годы, социал-демократами в 1980-е, и объединённая Партия либеральных демократов. Особое внимание обращают на себя работы Иана Блэдли «Странное возрождение либеральной Англии» (1985) и «СДП: рождение, жизнь и смерть Социал-демократической партии» (1995) Айвора Крю и Энтони Кинга.

Изучение политических систем и партий в российской политологии получила значительное развитие на уровне кандидатских и докторских диссертаций в отношении современной России. Существуют отдельные работы по теории политических и партийно-политических систем, например, Р.Ф. Матвеева «Аналитическая и теоретическая политология» (2001). В советское и постсоветское время изучением отдельных аспектов партийно-политической системы, её модернизации на примере Великобритании занимались В.А.Горбик, И.Е.Городецкая, И.И.Жигалов, Н.К.Капитонова, Г.С.Остапенко, С.П.Перегулов, Н.М.Степанова и др., имеется ряд коллективных монографий.

Анализ эволюции либеральной и консервативной мысли, иных направлений политической теории, содержащий концептуальные подходы, применимые к изучению современной истории ведущих партий Великобритании, предпринят в исследованиях Т.А.Алексеевой, К.С.Гаджи-ева, А.А.Галкина, П.Ю.Рахмира, В.В.Согрина.

Деятельность основных политических партий Великобритании в последней трети XX века достаточно широко освещалась советскими и российскими учёными. Многостороннее рассмотрение современных партийно-политических процессов в Великобритании содержится в Докладах Института Европы с участием англоведов из научно-исследовательских центров РАН и других организаций.

Темы изменений в Консервативной партии и в идеологии британского консерватизма, политики правительств тори разрабатывали С.П.Перегулов, А.Я.Самарина, И.Д.Стрижёва, В.Б.Студенцов, К.К.Худольей; некоторым итогам развития Великобритании в 1980-е годы посвящен сборник статей ИМЭМО 1992 г. Глубоким комплексным исследованием

феномена тэтчеризма явилась монография С.П.Перегудова «Тэтчер и тэтчеризм» (1996). Политические портреты Маргарет Тэтчер даны В.Я.Денискиной, С.П.Перегудовым, В.И.Поповым, А.М.Салминим, Джоанна Мейджора - В.И.Поповым. О видном участнике "неоконсервативной революции" Джеффри Хау писал Г.В.Колосов.

Различные аспекты внешней, внутренней, региональной политики консерваторов в 1980-90-е годы стали темой исследований С.С.Артоболовского, К.В.Гасратян, Н.Б.Гнатовской, А.П.Науменкова, И.М.Осадчей, В.Ф.Сорокиной, М.В.Стрежневой, В.Б.Студенцова, Н.В.Трубиной, Е.С.Хесина, а также отражены в ряде коллективных работ. Фундаментальный анализ политики консервативных и лейбористских правительств в 1950-70-е годы представлен в коллективной монографии «Великобритания. Современный монополистический капитализм» (1981) под редакцией С.П.Мадзоевского и Е.С.Хесина.

Эволюцию западноевропейской социал-демократии, включая британский левоцентризм, изучали А.Г.Мысливченко, М.А.Неймарк, М.И.Новинская, С.П.Перегудов. Процессы организационных, идейных изменений в Лейбористской партии, становление и развитие концепции "третьего пути", политика лейбористского правительства после выборов 1997 г. были предметом исследований Е.В.Ананьевой (Осиповой), А.Кочеткова, Н.Н.Милина, Ж.Ф.Осадчей, С.П.Перегудова, Е.И.Удальцова. Тему модернизации британской идентичности на фоне федералистских тенденций в государственном устройстве страны и фрагментации партийно-политической системы поднимал М.А.Липкин. Проблема североирландского урегулирования, партийной борьбе в Ольстере посвящены работы М.Е.Орловой, Е.Ю.Поляковой и др.

Отношениям ведущих партий Великобритании с рабочим движением, влиянию политики правительств на рынок труда посвящены исследования А.Н.Байковой, Н.М.Степановой, С.А.Чернецкого. Рассмотрение итогов парламентских выборов в Великобритании, электорального положения и стратегии партий содержится в работах Е.В.Бадьян, И.Е.Городецкой, Н.К.Капитоновой, С.П.Перегудова, Н.М.Степановой и др. Социально-экономическое положение Великобритании в 1990-е годы, включая период после 1997 г., содержится в серии работ Е.С.Хесина.

Помимо двух крупнейших политических организаций Великобритании и вопросов межпартийной борьбы в Северной Ирландии внимание советских и российских исследователей привлекали либералы, социал-демократы и Партия либеральных демократов. Деятельность этих партий анализировали В.А.Горбик, И.Е.Городецкая, С.П.Перегудов, В.П.Фролов и др.

Практическая значимость диссертации заключается, прежде всего, в том, что предпринятый анализ эволюции и современного состояния партийно-политической системы Великобритании представляет большой

интерес с точки зрения использования международного опыта в деле формирования политической системы и партстроительстве России. Применённые методологические и концептуальные подходы могут быть использованы при изучении современных российских партий, общероссийской и региональных партийно-политических систем, их классификации и типологизации. В то время как перед российским политическим классом остро стоит проблема создания эффективной и устойчивой политической системы, в общем, и партийной системы, в частности, особое значение имеет опора на научно обоснованные представления о политической и партийной системе, о функциях политических партий в современном обществе, о зависимости между партийно-политической системой и разновидностью демократической модели развития. Безусловный интерес с точки зрения национального и федеративного строительства в России представляет британский опыт применения консоциативной модели демократии. Кроме того, диссертационное исследование даёт возможность прогнозировать ход политического развития Великобритании, предвидеть те партийно-политические конфигурации, которые будут в недалёком будущем определять внутреннюю и внешнюю политику одной из ведущих стран Европы.

Материалы и выводы, содержащиеся в данной работе, представляют интерес для руководителей и активистов российских политических партий и движений, для политтехнологов, политологического и экспертного сообщества. Они могут быть использованы в учебном процессе, при написании учебников и учебных пособий по политологии, партологии, современной политической истории, социологии, регионоведению, при подготовке соответствующих курсов в высших учебных заведениях.

Апробация. Основные положения и выводы диссертации опубликованы в двух индивидуальных монографиях, в главах коллективных монографий, статьях, изложены в выступлениях на научных конференциях и семинарах, в курсе лекций по истории британских политических партий, прочитанном в МГИМО "Университет" МИД России. Отдельные аспекты проблематики диссертации использовались при подготовке информационно-аналитических материалов для федеральных и региональных органов исполнительной и законодательной власти. Диссертация обсуждена на совместном заседании Центра междивизиональных исследований и Центра партийно-политических исследований Института Европы РАН и рекомендована к защите.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ.

Диссертация состоит из введения, семи глав, заключения, приложения, библиографии и указателя имён.

Во введении обосновывается актуальность, научная новизна исследования, его практическая значимость, формулируются цели работы. Особое внимание уделяется методологической базе диссертации, даются определения важнейшим категориям партологии, необходимым для раскрытия выбранной темы. Проводится тщательный анализ историографии проблемы, степени её научной разработанности в британской и российской политологии.

Первая глава «Трансформация партийно-политической системы Великобритании на общенациональном уровне» посвящена современному этапу эволюции британской партийно-политической системы (ППС), её динамике, составу основных участников, основным характеристикам и причинам процесса изменений в общенациональном масштабе, обосновывается выбор хронологических рамок исследования.

Автор отталкивается от того, что британская ППС имеет многоярусную структуру, включающую несколько подсистем. Она функционирует в двух измерениях: электоральном (партийная конкуренция в ходе избирательных кампаний и в промежутке между выборами) и институциональном - в сферах законодательной и исполнительной власти. Из её четырёх подсистем три имеют общенациональный характер: локальная (местные выборы и довыборы), национальная (всеобщие и дополнительные парламентские выборы) и с 1979 г. наднациональная - выборы в Европарламент. На уровне четвёртой подсистемы - региональной, включающей Англию, Шотландию, Уэльс и Северную Ирландию, традиционно проходят местные и национальные выборы, к которым со временем прибавились европейские.

В период 1945-70 гг. в рамках мажоритарной модели демократии в Великобритании функционировала двухпартийная система классического типа. У власти поочерёдно находились консерваторы и лейбористы. Это не исключало того, что на электоральном поле присутствовали Либеральная и другие малые партии. Однако лейбористы и консерваторы доминировали, определяли динамику развития ППС и контролировали подавляющее большинство голосов избирателей (порядка 90%).

Для этого времени было характерно состояние "политического консенсуса", когда программные установки лейбористов и консерваторов принципиально не отличались, взаимные нападки были вопросом тактики, а не стратегии, формы, а не содержания. В партиях имелись свои левые и правые фланги, однако магистральное направление политики задавалось центристами. Партии часто перенимали друг у друга электораль-

ные лозунги, доказывавшие свою популярность у широких слоев избирателей. Переход власти из рук в руки не приносил больших изменений в политике правительства и не представлял угрозы для политического будущего проигравшей партии. Правящая партия не разделяла власть с другими политическими силами даже в ситуации, когда оказывалась в меньшинстве. Победа на выборах предполагала, что преуспевшая партия обладает безраздельной монополией на формирование правительства.

В последующие годы ППС страны на уровне национальной подсистемы подверглась значительной трансформации. Благодаря возрастанию фактора малых партий, а также появлению в британской политике "третьей силы" - Партии либеральных демократов, двухпартийная система уступила место "двухполовинной" (системе двух с половиной партий).

Популярность консерваторов и лейбористов в стране снижалась, в то время как третьих партий - росла. В 1970-е годы увеличилось не только количество партий, участвующих в выборах всех уровней, но и их вес. Если в 1945-66 гг. в среднем в парламентских выборах приняло участие более 5 партий, то в 1970-97 гг. - более 9. На долю третьих партий пришлось в среднем соответственно 13 и 40 депутатских мандатов. Особого успеха добились либералы. Если в 1945-70 гг. они получали на парламентских выборах в среднем 7% голосов, то в 1974-2001 гг. - 19%. На выборах 1970 г. они довольствовались 6 депутатскими мандатами, а в 2001 г. - 52. Поддержка других малых партий среди избирателей, принимающих участие в парламентских выборах, увеличилась втрое, а количество мест в палате общин - вчетверо.

Взаимоотношение консенсуса присуще двухпартийной системе, которой грозит нестабильность в случае существенных расхождений в политике партий, сменяющих друг друга у власти, и претензии на политическую монополию. Когда это происходит, партийное взаимодействие и конкуренция сменяются борьбой "на уничтожение", партии ориентируются не на "среднего избирателя", а на определенную группу электората, которая противопоставляется другой. Нарушение баланса в партийной системе приводит к дестабилизации политической ситуации в целом, в обществе нарастает социальное напряжение.

Одним из проявлений кризиса двухпартийной системы стало то, что на общенациональном уровне механизм политического маятника, определявший долгое время чередование у власти двух партий, дал серьёзные сбои. В годы тэтчеризма консерваторы сделали ставку на коренное изменение расстановки сил на политической арене, если не на дезинтеграцию Лейбористской партии как политической силы, то, по крайней мере, на длительное отстранение её от власти. На практике это вылилось в 18 лет безраздельного господства тори (1979-1997 гг.). Общество пережило политическую и социально-экономическую поляризацию.

В 1980-е годы лейбористы оказались под угрозой вытеснения на третьи позиции: на всеобщих выборах 1983 г. период двухпартийности едва не прервала Социал-демократическая партия, которая в Альянсе с либералами набрала почти столько же голосов, сколько ЛПВ. В случае успеха Альянса была большая вероятность того, что "двухполовинная система" превратилась бы в многопартийную (трёхпартийную), так как на власть реально претендовали более двух партий. Лейбористов спасла специфика мажоритарной выборной системы. Впоследствии ЛПВ удалось не только отстоять свои позиции, но с 1997 г. прочно занять место у руля государственного управления. Укрепилась тенденция по восстановлению консенсусного характера партийной системы. Был открыт новый этап в истории её развития. Модернизация ППС Великобритании получила значительное ускорение. Это было связано не только с внутрипартийными процессами обновления и с социально-экономической перестройкой общества, но и с радикальным изменением институциональной среды, в которой они функционировали.

В начале XXI века двухпартийная система Великобритании продолжает существовать в двухполовинном виде только на уровне общенациональных выборов. Большую критику вызывает мажоритарная избирательная система. Прослеживается очевидная тенденция по снижению абсолютной и относительной электоральной поддержки лейбористов и консерваторов. Фундаментальной причиной этих процессов стало изменение социальной конфигурации британского общества и его экономической структуры. Шёл процесс фрагментации и переориентации "естественных сторонников" как лейбористов - рабочий класс, так и консерваторов - средний класс. Межпартийная борьба перешла из одномерного пространства в многомерное. В целом ППС страны столкнулась с проблемой политической апатии, решение которой до сих пор не найдено.

Во второй главе «Модернизация партийных организаций: от массовых бюрократических к электоральным профессиональным партиям» анализируется изменение внутренней структуры ведущих британских партий, перераспределение властных полномочий внутри них, переналадка внутрипартийных механизмов принятий решений.

Современная история крупнейших политических организаций Великобритании показывает, что ни одна из них не стала партией, ориентированной на максимальное расширение своих рядов за счёт рядовых членов, которые, за исключением короткого периода в истории ЛПВ, обладали бы существенными полномочиями. В каждой из них существовала своя иерархия, в которой властные рычаги были сконцентрированы в верхних партийных эшелонах. Большую часть XX века они представляли собой "массовые бюрократические партии", ориентированные на свою членскую базу в не меньшей степени, чем на электорат. Они возникли

вслед за "массовыми электоральными партиями", которые были ориентированы главным образом на электорат и в которых на протяжении XIX века слой профессиональных политиков только складывался. В "массовых бюрократических партиях" доминировало звено средних и высших функционеров, профессиональных политиков, а лидеры и парламентские составляющие партий играли ключевую роль в формулировании и осуществлении политики.

Категории "массовая" больше всего соответствовала Лейбористская партия, которая имела наиболее ярко выраженный классовый характер и возникла по инициативе снизу. На короткое время в начале 1980-х годов баланс сил в ней изменился в пользу массовой составляющей. Однако в дальнейшем партийные верхи отыграли свои позиции. Они изменили структуру партии таким образом, что активисты, которые составляли костяк местных отделений, и ассоциированные организации, в первую очередь тред-юнионы, потеряли своё былое значение во внутрипартийной системе сдержек и противовесов. Перераспределение полномочий в пользу рядовых членов избавило руководство от необходимости иметь дело с организованной внутренней оппозицией.

Категории "кадровой" в трактовке Мориса Дюверже до 1990-х годов больше всего соответствовала Консервативная партия, которая строилась сверху вниз. Её внутренняя структура была частично демократизирована после избрания на пост лидера Уильяма Хейга. Несмотря на традиционную иерархичность партии, долгое время значительной автономией обладали окружные консервативные ассоциации, которые лидеру напрямую не подчинялись. Лишение их этого статуса и фактическое превращение в местные отделения укрепили вертикаль власти в партии.

По своему внутреннему устройству Партия либеральных демократов (ПЛД) заняла промежуточную позицию. Хотя обе её предшественницы - Либеральная и Социал-демократическая партии - первоначально возникли как верхушечные политические образования, культура плюрализма мнений и коллегиальности была в них сильна. ПЛД при сохранении наиболее демократичной внутренней организации стала более управляемой и контролируемой сверху. В данном случае свою роль сыграл не авторитаризм руководства, а желание партии избавиться от статуса "вечной оппозиции". При Пэдди Эшдауне и Чарльзе Кеннеди либерал-демократы стали всерьёз претендовать на роль правящей партии не только на региональном, но и на общенациональном уровне.

Во всех трёх организациях реформы по демократизации не приняли форму линейного перераспределения власти от партийных верхов к низам. Внедрение определённых элементов партиципаторной демократии в пользу рядовых членов партии сопровождалось усилением автономии верхних этажей партийной иерархии.

В 1980-е годы Консервативная партия в полной мере примерила на себя статус "партии для всех",¹ отобрав у лейбористов значительную часть голосов "синих воротничков". Задолго до этого тори уже именовали себя партией "одной нации", однако на практике опирались на класс собственников и управленцев. В 1990-е годы за ними последовала ЛПВ, которая не только вернула себе поддержку верхних слоев рабочего электората, перебежавших в годы тэтчеризма на сторону тори, но и смогла привлечь значительное количество традиционных сторонников консерваторов. В эти годы "массовые бюрократические партии", становились универсальными, т.е. "партиями для всех" или "электоральными профессиональными партиями" (ЭПП). Партийное руководство обрело контроль над всеми звеньями организаций, а обращение к плебисцитной форме демократии только укрепляло роль лидеров.

Стремление максимально расширить электоральную базу в условиях, когда классовые различия потеряли былую контрастность, приводило к тому, что идеологический фактор в партийной борьбе был потеснен конкуренцией персоналий и умением подать себя избирателям. Главным становились не идеи, а компетентность, широкое распространение получили технологии политического маркетинга. Возрастала роль специалистов по связям с общественностью и имиджмейкеров, которые не входили в число партийных бюрократов. В этом смысле происходила "американизация" британской политики. Побочными продуктами этих тенденций стало дальнейшее сокращение численности членов партий; в вопросах финансирования сбор членских взносов как с рядовых партийцев, так и с ассоциированных организаций, уступал место корпоративным, а в перспективе и государственным источникам доходов.

ЭПП были подвержены парадоксу демократизации за счёт выхолащивания роли своей наиболее активной страты - активистов. В этой связи британские исследователи часто обращаются к "закону криволинейного несоответствия", разработанного в работах Джона Мэя.² Согласно нему "лидеры" - руководители партий, переднекамесечники, члены правительства - в своём стремлении максимально расширить электорат своей организации озабочены в первую очередь прагматическими вопросами по

¹ "catch-all party" – термин, предложенный во второй половине 1960-х годов Отто Кирххаймером, см.: Otto Kirchheimer. *The Transformation of West European Party Systems*. In: Joseph LaPalombara, Myron Weiner (eds.). *Political Parties and Political Development*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1966. В 1969 г. о возможности появления "партий для всех" в Великобритании писал Сэмюэль Бир, см.: Samuel H. Beer. *Modern British Politics*. London: Faber and Faber, 1982. P. 431.

² John May. *Opinion Structures of Political Parties: The Special Law of Curvilinear Disparity*. // *Political Studies*, N 21, 1973. PP. 135–151.

привлечению голосов избирателей. В этом их интересы **расходятся** с интересами "суб-лидеров" - активистами местных партийных отделений и части заднескамеечников, которые видят себя стражами чистоты партийной идеологии и не готовы идти на компромиссы ради приращения голосов избирателей. В результате ракурсу, с которого "лидеры" оценивают позиции партии, ближе восприятие не "суб-лидеров", а "не-лидеров", т.е. симпатизирующих избирателей и массовой составляющей партии - рядовых членов, не активистов.

С точки зрения такой модели распределения напряжения между различными стратами партии и её сторонниками в электорате модернизация партийных организаций в 1990-е годы была логичной и рациональной, так как связывала напрямую интересы "лидеров" и "не-лидеров" и в значительной степени нейтрализовала влияние "суб-лидеров", негативно сказывавшееся на электоральных результатах. Массовая составляющая партии не только не лишилась в ходе внутренних реформ части своих прав, но и обрела новые. Вместе с тем, механизм принятия решений по-прежнему строился "сверху вниз", и расширение права выбора "не-лидеров" не сопровождалось наделением их правом на формирование самого выбора.

По мере развития технологий политического маркетинга и увеличения доли "блуждающего электората" ЭПП приобретают черты "электоральных кадровых партий", которые лишены массовой базы и жёстко структурированы по вертикали. Такие партии руководствуются концепцией электорального рынка, оперирующей понятиями политического продукта, упаковки политического послания и его презентации, используют изощрённые методы исследования настроений избирателей, например, "фокус-групп", привлекают к работе экспертов по связям с общественностью и прессой, т.н. "спин-докторов", буквально "специалистов по раскрутке". В ещё большей степени, чем ЭПП, эти партии ориентированы не на отдельные сегменты электората, а на выражение "общенациональных интересов", они стремятся не структурировать электоральное пространство, а подстроиться под него, хотя и используют рычаг идеологии там, где это расширяет их поддержку среди избирателей.

Возможно, что модель "электоральной кадровой партии" в полной мере не будет реализована. В то же время ассоциируемые с ним приёмы внутри- и межпартийной борьбы широко используются британским политическим классом.

В третьей главе «Идеологическая модернизация политических партий» рассматриваются изменения в идейном оснащении и идеологических платформах ведущих британских политических партий.

Долгое время у ЛПВ и тори во внешней и внутренней политике фундаментальных расхождений не было - феномен, получивший в 1950-е

годы название "батскеллизм", причём "законодателями мод" выступили лейбористы. Свидетельством эффективности двухпартийной системы с двумя умеренными альтернативами стало функционирование "избирательного маятника", когда к власти приходила то правоцентристская, то левоцентристская партия.

В 1970-е годы послевоенный межпартийный консенсус выработал свой ресурс. В Консервативной и Лейбористской партиях активизировались внутренние противоречия, они всё больше расходились друг с другом по ключевым вопросам жизни страны. Эти процессы были реакцией на проблемы перехода Британии от индустриального к постиндустриальному типу развития, изменения социальной конфигурации британского общества, и протекали в русле смены социал-реформистского цикла либерально-рыночным. Социал-реформистская идеология в своей социально-экономической части постепенно уступала место идеологии либерально-рыночной. Однако если в предыдущий раз межпартийный консенсус был достигнут достаточно быстро благодаря мощному фактору Второй мировой войны, то теперь складывание его новой разновидности заняло более длительное время. Одновременно была нарушена равновесность системы партийной конкуренции, когда и Консервативная, и Лейбористская партия совершили идеологический крен в противоположные стороны, но на этот раз не лейбористы, а тори уловили веяния времени. В отличие от консерваторов второй половины 1940-х годов лейбористы три десятилетия спустя не проявили того же прагматизма и оказались отстранёнными от власти на 18 лет.

Консервативная партия, а за ней и Лейбористская, осуществили значительный сдвиг вправо. С точки зрения предложенного подхода к рассмотрению идеологии как взаимоотношения "большого ядра" и "периферии" Консервативная партия в годы тэтчеризма сумела осуществить в стране крупномасштабную социально-экономическую модернизацию не только благодаря реанимации концепции классического либерализма и рыночных ценностей, но благодаря её сочетанию с традиционными для британской консервативной мысли темами национализма, иерархичности государственной власти и социального авторитаризма. "Новые лейбористы", со своей стороны, не только восприняли ряд неолиберальных постулатов, но совместили их с частью наследия лейбористской и либеральной, а также консервативной мысли.

В то же время, очевидно, что в рамках тэтчеризма и "нового лейборизма" была предпринята попытка обновить не только периферийные элементы консервативной и лейбористской идеологий, но трансформировать "большое ядро" каждой из них с помощью неолиберальных подходов. Непропорциональный акцент на ценностях индивидуализма завёл консерваторов в 1990-е годы в идейный тупик, и в последующем тори

занимались поиском более сбалансированного сочетания базовых элементов своей идейной программы.

Не избежали идейного крена вправо и "новые лейбористы". После их прихода к руководству Лейбористской партии последняя превратилась по существу из левоцентристской в центристскую и во многом потеряла не только свой социалистической, но и социал-демократический характер. Несмотря на то что лейбористы пришли к власти под лозунгом борьбы с рыночным фундаментализмом, в социально-экономической сфере новое правительство предприняло лишь косметический ремонт доставшего ему от консерваторов неолиберального наследия. Произошла ревизия ряда базовых ценностей британского лейборизма.

После вызревания в 1970-х годах и утверждения в 80-х, либерально-рыночный идеологический цикл в 90-е годы вступил в период нового межпартийного консенсуса. Как и в период социал-реформистского цикла, его главным действующим лицом стали лейбористы. К всеобщим выборам 1997 г. они не только вернулись к уровню 1970 г. по поддержке среди рабочего класса, но, что было качественно новым, добились широкой популярности у среднего класса, обогнав впервые в истории по этому показателю тори. Ситуация начала 1980-х годов повторилась ровно наоборот, но с ещё большим размахом: теперь уже лейбористы отобрали у консерваторов значительную часть их "естественных" союзников. Другим явлением качественного характера было падение индекса классового голосования до 27 единиц. Другими словами, лишь треть электората обеих партий руководствовалась классовыми стереотипами. Всеобщие выборы 2001 г. не изменили положения дел.

Новый межпартийный консенсус вписался в либерально-рыночный идеологический цикл, однако не стал механическим продолжением доктрины неоконсерватизма. Он основывается на модернизированной версии неолиберализма в социально-экономических вопросах и имеет специфику в иных политических измерениях, выходящих за рамки идеологической оси "левые - правые", "коллективизм - индивидуализм". Комбинация этих двух составляющих получила название "третий путь" - первый опыт идеологии "партии для всех" по-британски.

Вероятно, что в будущем, после смены руководства партии идеологическая программа организации примет более гармоничный вид благодаря укреплению её социал-демократической составляющей. По мере втягивания Великобритании в процессы европейской интеграции для страны станет более характерна, как это было до 1979 г., идеология социального рынка. На сегодняшний день с учётом всего комплекса предпринятых с 1997 г. реформ наиболее адекватным описанием сути "третьего пути" - идеологии "нового лейборизма" - является концепция левого либерализма.

Тэтчеризм был переходным этапом от послевоенного консенсуса к межпартийному консенсусу нового качества, основанному на своеобразном сочетании консервативных, либеральных и коллективистских ценностей. Вопрос о том, считать ли "третий путь" частью этого переходного этапа или его результатом, имеет ли "третий путь" будущее или неизбежна его замена на более эффективные идейные построения, остаётся открытым.

Четвёртая глава «Региональные партийно-политические системы и процесс федерирования британского государства» посвящена региональному подуровню британской ППС, изменению его статуса в процессе расширения автономии территорий "кельтской периферии". На уровне этой подсистемы, за исключением Англии, появились контуры, а затем стали складываться свои автономные партийные системы, которые, в отличие от других подсистем, уже не были простой проекцией общенациональной партийно-политической системы. В Северной Ирландии с 1921 г. формировалась собственная автономная партийно-политическая система, прошедшая несколько этапов развития. В 1997-99 гг. в результате деволюции - распыления суверенитета центральной власти - то же произошло в Шотландии и Уэльсе. В этих трёх регионах появились свои электоральные, законодательные и исполнительные подуровни партийных региональных систем. В Англии эти процессы находятся в эмбриональном состоянии.

С формальной точки зрения Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии остаётся унитарным государством с единым центром в Лондоне, и Вестминстер, парламент страны, обладает нераздельным суверенитетом.¹ В то же время рост национального самосознания в британских регионах так называемой "кельтской периферии" в совокупности с иными факторами, привёл к тому, что к всеобщим выборам 1997 г. Лейбористская партия пришла с широкой программой деволюции (региональной автономии). В результате в 1998-99 гг. был воссоздан парламент Шотландии, ликвидированный в 1707 г. после заключения унии с Англией, впервые организована ассамблея Уэльса и возобновлена деятельность законодательного собрания Северной Ирландии, прерванная в 1972 г. после введения прямого правления из Лондона на фоне разгоравшейся гражданской войны.

Уникальность деволюции в том, что это не просто децентрализация власти. В строгом смысле слова это делегирование части государственно-

¹ Унитаризм британского государственного устройства имеет своеобразный характер. Так, "владения Короны" – острова в проливе Ла-Манш (Нормандские острова) и остров Мэн традиционно находятся в квазиконфедеративной связи с Соединённым Королевством, а отношения между последним и зависимыми территориями близки к федеративным.

го суверенитета избираемым жителями регионов законодательным и исполнительным органам власти, при котором принцип суверенитета центрального парламента, основанного на неписаной конституции, остаётся незабываемым. Формально Вестминстер сохранил за собой право отзывать законы о деволюции и приостанавливать работу региональных властей по своему усмотрению, как если бы он имел дело с муниципальными образованияами. Однако в действительности свобода его действия ограничена, так как по сравнению с местными органами власти легитимность региональных - значительно выше. Во-первых, их избранию предшествовали референдумы жителей регионов; во-вторых, для многих они являются символами национального возрождения народов "кельтской периферии".

Северная Ирландия в отличие от Шотландии и Уэльса добилась у Лондона права на отделение в случае, если в будущем на референдуме большинство жителей провинции выскажутся в пользу этого. Соглашение Страстной пятницы 1998 г., ставшее наивысшей точкой процесса мирного урегулирования в регионе, включает не только федеративные, но и конфедеративные элементы. В то же время уже неоднократно британское правительство, сталкиваясь с ситуацией внутривластного кризиса в Ольстере, реанимировало прямое правление провинцией на основе принципа суверенитета центрального парламента, что, с точки зрения многих правоведов, шло вразрез с сутью достигнутых договорённостей.

Несмотря на незаконченность и противоречивость процесса деволюции, к началу XXI века унитарная форма государственного устройства Великобритании фактически сменилась на квази-федеративное с элементами конфедерации. Стало очевидно, что Британия - не однородным национальное государство, а многонациональное, переживающее в постимперскую эпоху федерирование.

Особенностью этого процесса является его асимметричность. Парламент Шотландии наделён первичным законодательным правом, т.е. правом издавать законы в отнесённым к его юрисдикции сферах деятельности. Ассамблея Уэльса обладает лишь правом вторичной законодательной инициативы, т.е. правом издавать подзаконные акты. Парламент Северной Ирландии по своим полномочиям близок к шотландской модели, однако если в Шотландии и Уэльсе действует умеренная мажоритарная модель демократия, то в Ольстере - консоциативная. Наконец, Англия, являясь самой крупной территориально-административной единицей, где проживает 80% жителей страны, пока вовсе не имеет своих региональных органов власти. Лишь некоторые из девяти английских регионов стремятся к созданию своих собственных законодательных собраний. Особый случай - Лондон, который в 2000 г. избрал своего мэра и ассамблею.

Пример Британии показателен для Российской Федерации, также отличающейся сильной асимметричностью, тем, что и в развитых демо-

кратиях историческое развитие может приводить к значительному отличию в статусе субъектов государственного устройства. Британия избрала эволюционный и разнотемпный путь построения своей особой федерации, который учитывает специфику каждого региона. По такому же пути идёт и Россия.

Отличие заключается в том, что если в России происходит укрепление вертикали власти, то в Британии – её сознательное ослабление, хотя в обоих случаях преследуется общая цель: укрепить единство государства и устранить почву для сепаратизма. Противоположный характер реформ в этой сфере объясняется разными историческими предпосылками: Британия к концу прошлого столетия оказалась чрезмерно централизованной, что вызвало сильное недовольство в регионах, а Россия в 1990-е годы, напротив, превратилось в рыхлое федеративное образование с ослабленным центром. Эти отличия определяют и то, что в Британии, состоящей лишь из четырёх национальных регионов, количество акторов процесса региональной суверенизации может только увеличиться за счёт английских регионов, а для России, включающая более 80 членов федерации, вполне оправданно стремится к снижению количества её субъектов.

Вопрос о дальнейшем ходе деволюции и политическом будущем Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии остаётся открытым. Вероятно, что превращение Британии в обозримом будущем в государство с федеративными элементами, что уже происходит де-факто, решит проблему сепаратизма. Реализованная лейбористами деволюция привела в движение давно назревавший процесс модернизации партийно-политической системы страны, её трансформации в многопартийную в русле утверждения плюральной модели демократии. Для мировой практики важен дальнейший анализ опыта североирландской модели урегулирования конфликтов, основанной на принципах консорциативной демократии.

В пятой главе «Изменения на уровне локальной партийно-политической системы Великобритании» исследуется динамика местных, а также европейских выборов, возникновение новых партийных конфигураций в местных органах власти. В XX веке система местных органов власти в Великобритании была почти полностью политизирована. Особой силы этот процесс достиг в 1970-80-е годы. Долгое время такое состояние дел было в интересах двух ведущих партий страны, которые контролировали подавляющее число муниципальных образований и рассматривали их как ресурс в межпартийной борьбе общенационального масштаба. Падение интереса избирателей к местным органам власти с точки зрения локальной политики усугублялся тем, что их автономия в системе государственного управления к 1990-м годам была резко ослаблена. В результате статус местных органов власти и местных выборов изменился не только в глазах политических партий, но и в глазах простых избирателей.

Однако отношение граждан к местным выборам в первую очередь как к возможности выразить своё мнение о политике правящей партии, и лишь во вторую - как к возможности повлиять на решение насущных проблем своего города или села, привело к негативным результатам. Местные выборы, как и европейские, привлекали к себе всё меньше внимания избирателей по мере того, как сужались электоральные базы Консервативной и Лейбористской партий.

Возрастание популярности либерал-демократов и ряда малых партий привело к тому, что в 1990-е годы монополия двух крупнейших партий в местных органах власти была подорвана. На уровне муниципальных образований стала быстро развиваться многопартийность, государственное управление на местах всё чаще принимало коалиционный характер. После 1997 г. лейбористское правительство предприняло ряд мер, направленных на частичное восстановление автономии и финансовой самостоятельности местных органов власти. Наиболее заметным событием стало учреждение должности мэра британской столицы и создание ассамблеи Лондона. Распространению коалиционной формы правления на местах способствовало расширение практики применения различных вариантов избирательных систем. Большие изменения грядут в Шотландии, где с 2007 г. местные выборы будут проводиться по пропорциональной системе "единого переходного голоса", традиционной для Северной Ирландии. Аналогичное решение могут принять и региональные власти Уэльса. Необходимо время, чтобы определить, станут ли эти меры эффективными в борьбе с политической апатией, которая на уровне локальной партийно-политической системы ощущается сильнее, чем на уровне региональной и общенациональной.

На уровне локальной партийно-политической системы Великобритании продолжается трансформация двухпартийной системы в многопартийную, в которой уже не только либерал-демократы претендуют на видную роль. Если на парламентских выборах они ставят цель вытеснить консерваторов с позиций главной оппозиции, то на выборах других уровней, свободных от "смирительной рубашки" мажоритарной системы, с ними в конкуренцию вступает ряд малых партий. Передаточным механизмом, который преобразует дробление и фрагментацию британского электората в изменение конфигурации партийно-политической системы Великобритании, является применение вариантов пропорциональной системы голосования. Их использование лишает лейбористов и консерваторов гарантированного доминирования на избирательном поле.

Европейские выборы, которые проводятся в Великобритании с 1979 г., до сих пор не играли самостоятельной роли и выполняли функцию, аналогичную местным выборам, - подведение промежуточных итогов политики правящей партии. По этой причине они рассматриваются в дан-

ном случае как элемент локальной партийно-политической системы. Явка на них, как и на местных выборах, традиционно низкая. Своего пика она достигла в 2004 г. - 40%, а минимальный показатель был зарегистрирован в 1999 г. - 24%, что отражает присущий британскому обществу евро-скептицизм. Общеевропейский показатель в среднем был в два раза выше.

В отличие от местных выборов, как и от выборов других уровней, европейские выборы имеют свою специфику: это выборы наднациональные, депутаты от Великобритании действуют в составе общеевропейских групп в Европарламенте, кроме того, они лишены представительства в исполнительных органах ЕС. Роль европейских выборов в Великобритании будет возрастать по мере интеграции страны в европейские структуры и демократизации механизмов управления Евросоюзом. Например, значительное повышение явки на выборах в Европарламент в 2004 г. объясняется не столько обострением межпартийной борьбой в Британии, сколько интересом общества к вопросам принятия новой европейской конституции и присоединения к еврозоне. Однако в обозримой перспективе основная роль евровыборов будет по-прежнему подчинена британской внутривнутриполитической динамике.

В шестой главе «Роль малых партий в реконфигурации партийно-политической системы Великобритании» рассказывается о современной истории британских малых партий и их месте в развитии партийно-политической системы страны.

Вес малых партий за последние десятилетия значительно увеличился. Если в 1970 г. их поддержали около одного миллиона избирателей, то в 2001 г. - в два с половиной раза больше, а с учётом голосов, поданных за либералов/либерал-демократов, - соответственно 3 млн. и более 7 млн. избирателей. Если в 1970-80-е гг. выделялась то одна, то другая малая партия или их группы, то позже давление на двухпартийную/двухполовинную систему стало оказываться по широкому фронту со стороны и националистических, и левых, и правых организаций, и партий "третьего измерения".

Малые партии играют важную роль в политической жизни Великобритании. Они придают устойчивость "двухполовинной" партийной модели. В условиях мажоритарной избирательной системы Консервативная и Лейбористская партии являются "большими приходами" - представляют собой политические организации со значительной идейной амплитудой. Важно, чтобы на левом и правом политических флангах существовали альтернативные организации для политиков с неудобными для "больших приходов" взглядами. Тем самым последние могут избавиться от тех, кто дискредитирует и вносит раскол в их ряды, а те в свою очередь - свободно критиковать истеблишмент с платформы других партий.

Примерами малых партий, вобравших в себя противников левого крыла политического истеблишмента - Лейбористской партии, являются Социалистическая лейбористская партия (СЛП) Артура Скаржилла, отколовшаяся от ЛПВ в 1996 г., и коалиция "Респект", созданная в 2004 г. лейбористом Джорджем Галлоуэем. Примерами малых партий, созданных в результате протеста, который не смог удержаться в границах правого крыла политического истеблишмента - Консервативной партии, служат Партия референдума и Партия независимости Соединённого Королевства (ЮКИП).

Возможна ситуация, когда в результате накопленного внутреннего напряжения появление новой малой партии не устраняет опасность раскола "большого прихода", а увеличивает её. Яркий пример - образование в 1981 г. Социал-демократической партии (СДП) в результате откола части правого крыла ЛПВ. Малая партия может быть не только фактором раскола, но и укрупнения. Так, Либеральная партия выиграла от объединения с СДП в 1988 г. Благодаря этому она заметно расширила электоральную базу и в трансформированном виде закрепила за собой статус "третьей партии" британской партийно-политической системы, избавившись от статуса "малой партии".

Малые партии придают партийно-политической системе дополнительный динамизм. Они мобильнее "больших приходов", открыты для взаимодействия с другими политическими силами. Они критикуют политику ведущих партий с более жёстких позиций, привлекают внимание к недостаткам и сбоям в их работе, мобилизуют те группы избирателей, которые считают, что политический истеблишмент игнорирует их мнение. Так, некоторые малые партии действуют в "новом измерении", т.е. строят свою деятельность вокруг проблем, второстепенных с точки зрения традиционной британской двухпартийной системы: национальных, европейских, экологических.

Одни малые партии действуют в общенациональных границах, другие - в региональных. Региональные малые партии представлены организациями, действующими в границах одного из трёх британских субнациональных регионов - Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии: Плайд Камри (ПК), Шотландская национальная партия (ШНП), и партии Северной Ирландии.

Североирландский регион обладает двумя уникальными характеристиками. На его территории партийная система сформировалась ещё в 1970-е гг., однако до отмены прямого управления функционировала лишь на уровне общенациональных, местных и евровыборов. Кроме того, ведущие малые партии Северной Ирландии одновременно являются партиями-монополистами в условиях, когда "большие приходы" не имеют здесь своих региональных отделений. Что касается Уэльса и Шотландии,

то по мере формирования вслед за Северной Ирландией собственных партийно-политических систем ПК и ШНП не избавились от статуса малых партий на общенациональном уровне, однако превратились во вторые по значению партии на уровне региональном.

Таким образом, процесс перехода ЛПВ на центристские, а в ряде случаев на правоцентристские позиции привёл к мобилизации левых политических течений и одновременно дал импульс для изменения конфигурации сил среди партий истеблишмента. Обращает на себя внимание, что малые партии наиболее левой ориентации, а также валлийские, шотландские националисты и по возрастающей либерал-демократы, главной мишенью для критики избирали Лейбористскую партию, в то время как консерваторам из малых партий целенаправленно оппонировала только ЮКИП. Даже с поправкой на то, что ЛПВ - правящая партия, притягивающая к себе основную долю недовольства, законы политического цикла объясняют усиление непопулярности лейбористов лишь отчасти. На настроения избирателей большое влияние оказывала совершенная ЛПВ идейная трансформация.

Седьмая глава «Системные функции политических партий Великобритании» посвящена важнейшей проблеме - адекватности деятельности британских партий современным запросам развитого демократического общества. Политические партии играют незаменимую роль в обеспечении политического представительства и организации выборного процесса. Они участвуют в государственном управлении, формируют государственную политику, являются ключевыми механизмами представительной демократии, ответственного правительства, занимаются политическим рекрутированием и воспитанием политических элит. Незаменимой функцией политических партий является политическая коммуникация и политическое просвещение населения. От деятельности партий во многом зависит уровень политической культуры электората.

Задача-интегратор политических партий - вовлечение граждан в политический процесс. Партии играют роль связующего звена между государством и обществом, имеют двухъярусную структуру, верхние этажи которой примыкают к политической надстройке, а нижние - вплетены в ткань гражданского общества.

Великобритания традиционно отличалась высоким уровнем политической активности. Большую часть XX века на всеобщих выборах явка избирателей колебалась от 70 до 80%. Однако в 1970-2001 гг. по сравнению с предшествующим послевоенным периодом средняя кривая явки избирателей шла вниз, что было одним из признаков начавшейся деформации партийно-политической системы. На всеобщих выборах 2001 г. произошёл обвал явки избирателей до 59,4%. В XX веке ниже показатель был зафиксирован лишь в 1918 г. Подобная негативная тенденция про-

слеживалась на выборах всех уровней с той лишь разницей, что на них избиратели вели себя ещё пассивнее. На региональных выборах 2003 г. в Шотландии явка составила 49%, а в Уэльсе - 38%. В следующем году в евровыборах на избирательные участки пришло 38,8% электората, а на выборы мэра Лондона - 37%.

По мере падения популярности двух главных партий их электорат фрагментировался и перетекал к третьим партиям. Однако это не объясняло сужения общей электоральной базы политических партий. Всё чаще политические аналитики приходили к выводу, что речь шла о долгосрочном росте политической апатии и ослаблении связи между обществом, с одной стороны, и политической надстройкой в целом и партиями в частности, - с другой. Наиболее серьёзной дисфункцией в деятельности политических партий стал рост аполитичности британского электората, хроническое падение явки избирателей. Протестные настроения всё труднее находили себе выход в электоральном пространстве, увеличилась поддержка радикальных организаций. Потенциал политической системы играть роль "компенсатора" социального недовольства снизился. Рост плюральности партийно-политической системы Великобритании в последней трети XX века не привёл к усилению политической активности.

Ряд британских учёных и политиков забил тревогу о глубинных, системных причинах роста политической апатии и ослабления легитимности британских институтов представительной демократии. Среди них: возрастание несоответствия британской ППС требованиям общественно-го развития, увеличение неадекватности её структуры распределению групповых интересов, профессионализация деятельности партий, сопровождающаяся ослаблением их прямого контакта с избирателями. Высказывается опасение, что аполитичность общества на руку радикальным политическим силам, которые воспользуются ослаблением интереса граждан к политике. Другая опасность - что профессионализация политических элит, увеличение их замкнутости превратит их в политические касты, мало подконтрольные избирателям.

Однако эти и другие опасения подобного рода не находят пока видимого подтверждения. Управляемость британского государства остаётся высокой, действия властей в целом эффективны, а социальная напряжённость в обществе значительно ниже, чем в 1970-80-е годы. С этой точки зрения, падение явки избирателей на всеобщих выборах до 60% или ниже - объективное явление, отражающее долгосрочные тенденции политической стабилизации, снижения роли идеологического фактора и сближения позиций ведущих партий, уменьшения роли государства в общественном развитии.

Действительная опасность может заключаться в том, что в то время как политические партии удовлетворительно выполняют свои традицион-

ные функции, справляются с задачами, поставленные перед ними в прошлые десятилетия, они мало приспособлены к ответу на новые вызовы. Это и возрастание культурной разнородности Великобритании, и усиление процесса её регионализации, и ослабление общебританской идентичности. С этой точки зрения, задача эффективного управления британским обществом будет лишь усложняться, и решить её можно только с помощью целенаправленных действий политического класса. В этом случае роль политических партий в жизни общества должна не снижаться, а увеличиваться, ведь партийно-политическая система в условиях развитой представительной демократии – безальтернативный передаточный механизм, через который транслируется воля электората государству, а действия последнего обретают легитимность.

В заключении содержатся основные выводы исследования.

1. На сдвиг британской вестминстерской модели демократии, основанной на принципе суверенитета парламента и неписаной конституции, в сторону плюральности и эволюцию партийно-политической системы, включая её двухпартийное/двухполовинной ядро, в сторону многопартийности оказывали и продолжают оказывать влияние многочисленные факторы. Среди них: конституционные реформы лейбористов, включающие первый этап реформирования палаты лордов, деволуцию и применение новых систем голосования на различных электоральных уровнях; связанные с этим развитие и консолидация региональных партийно-политических систем; адаптация к положениям Акта о регистрации политических партий (1998), Акта о правах человека (1998), Акта о политических партиях, референдумах и выборах (2000), Акта о свободе информации (2000) и др.; упрочение практики использования института референдума и др. Свою роль играют внешние факторы, например, постепенное распространение юрисдикции ЕС на территорию Великобритании, в первую очередь присоединение к Европейской конвенции по правам человека (1998), опыт работы британских политиков в Европарламенте.

Сдвиг от мажоритарной к плюральной модели демократии больше всего ощущался в партийно-политической системе и в перераспределении государственной власти между центром и регионами, в наделении Банка Англии "операционной независимостью", в намерении упразднить должность лорда-канцлера, создать в стране Верховный суд и учредить независимую комиссию по назначению судей.

Отношение лейбористов к происходящим в стране процессам было неоднозначным. Суть заложенных в конституционных реформах противоречий получила название "парадокса Блэра". С одной стороны, действия правительства в 1997-2005 гг. способствовали децентрализации власти в стране, демократизации механизмов государственного управления, придали политической системе более открытый характер. Одновременно

лейбористы попытались удержать эти процессы в русле концепции парламентского суверенитета, сохранить в неприкосновенности ряд принципов мажоритарной политической системы.

Так, реформа палаты лордов в своём нынешнем половинчатом виде привела не к ослаблению, а к усилению асимметричности британского бикамерализма. В долгий ящик положен вопрос об изменении избирательной системы на всеобщих выборах. Косметическими мерами закончилась модернизация работы палаты общин. Централизация процесса принятия решений произошла как в Лейбористской партии, так и в правительстве. Значение инкорпорации Европейской хартии по правам человека в британское законодательство было снижено тем, что судебные инстанции, в том числе создаваемый Верховный суд, не получили права приостанавливать действие или отменять парламентские законы, а лишь выступать с заявлением об их "несоответствии".

В 1970-90-е годы структура общенациональной партийно-политической системы усложнилась. Эта тенденция была составной частью модернизации политической системы страны в целом, которая по ряду параметров совершила сдвиг от мажоритарной к плюральной модели демократии. Во-первых, с 1979 г. у неё появился новый уровень - национальный в виде европейских выборов, которые в Великобритании с 1999 г. стали проводиться по пропорциональной системе голосования. Во-вторых, на уровне локальной и региональной подсистем задолго до проведения деволюции фактически сформировалась многопартийность, и распространялись коалиционные методы правления. В 1970-е годы громко заявили о себе Либеральная партия, шотландские и уэльские националисты, партии Северной Ирландии.

В-третьих, на региональном уровне, после проведения реформы в регионах "кельтской периферии", сформировались автономные партийно-политические системы с собственными электоральными и институциональными измерениями. С введением на региональных выборах в Шотландии и Уэльсе комбинированной системы голосования, на политической периферии громко заявил о себе целый ряд малых партий, которые до этого играли второстепенную роль. В этих условиях Вестминстер остался единственным уровнем, на котором продолжает действовать "двухполовинная" партийная система.

2. Деволюция в Великобритании стала уникальной формой расплытия власти в стране и ключевым элементом конституционных реформ лейбористов. Она отличается от "децентрализации" - передачи на нижние этажи государственного управления, например, муниципальные образования, функций исполнительной (но не законодательной власти), и "деконцентрации" - размещения части органов центральной власти в регионах. Кроме того, деволюция это, с одной стороны, передача части власт-

ных полномочий регионам, а с другой - их перераспределение между местными и региональными органами власти в пользу последних. Например, полицейская, пожарная служба, жилой фонд раньше были в ведении местных органов власти, а теперь - региональных.

Деволуция также отличается от применяемого в ЕС принципа "субсидиарности", согласно которому решение должно приниматься на возможно более низком уровне властного управления (уровень ЕС, европейского региона, национального государства, национального региона или местной власти). Его цель — предотвратить нежелательное усиление власти наднациональных органов ЕС за счёт государств-членов. В случае британской деволуции задача была обратной - обезопасить центр от нежелательного расширения легитимности и властных полномочий субнациональных регионов.

В строгом смысле слова деволуция - это делегирование части государственного суверенитета избираемым жителями регионов законодательным и исполнительным органам власти, при котором принцип суверенитета британского парламента, основанный на неписаной конституции, остаётся неизменным. Однако в действительности деволуция ведёт к размыванию суверенитета Вестминстера. Унитарная форма государственного устройства Британии сменяется на квази-федеративное (Англия - Шотландия - Уэльс) с элементами конфедерации (Великобритания - Северная Ирландия), когда отдельные регионы государства обладают элементами ограниченного суверенитета.

Деволуция - переходное состояние британского государственного устройства от унитарного к федеративному. Великобритания в строгом смысле слова уже не отвечает критериям унитарного государства, однако ещё не может классифицироваться как федерация, т.е. переживает процесс федерирования.¹ Необходимо отметить, что этот процесс находится в своей начальной стадии, отличается асимметричностью, разнородным движением и развивается зигзагообразно. С большой долей вероятности можно прогнозировать, что, учитывая своеобразие британского конституционного права и политической культуры, смешанный тип государственного устройства страны будет носить долговременный характер.

3. Сдвиг от мажоритарной (вестминстерской) к плюральной (консенсусной) модели демократии и от двухпартийности к многопартийности шёл параллельно со сменой социально-реформистского политического цикла 1945-79 гг. либерально-рыночным/леволиберальным на фоне

¹ В британском политологическом дискурсе промежуточность современное государственное устройство Великобритании определяется термином *federacy* – государство, которое ещё не стало федерацией – *federation*, но которое уже не является унитарным.

заката коллективизма и подъёма индивидуализма, дробления крупных социальных идентификаций. Ключевую роль в этом сыграли трансформация индустриального общества в постиндустриальное и информационное с новой системой ценностей, социальная реструктуризация и изменения в национальном самосознании после распада Британской империи с последующим усилением националистических настроений на "кельтской периферии". Для обоих циклов характерно достижение состояния межпартийного консенсуса в первом случае на базе социал-демократического этатизма (кейнсианство, "смешанная экономика", "государство благосостояния"), во втором - на базе неолиберализма (рыночная экономика, усечённое государство) и леволиберальных подходов (экономика знаний, государство социальных инвестиций).

Между старой и новой моделями согласия есть существенная разница. Во-первых, послевоенный межпартийный консенсус носил добровольный, "симметричный" характер, т.е. обе крупнейшие партии страны на равных участвовали в нём, хотя инициативу взяли на себя лейбористы. Современный консенсус асимметричен, поскольку вначале лейбористы были вынуждены модернизировать свою политику в условиях доминирования тэтчеризма, а затем консерваторы - в условиях доминирования "новых лейбористов".

Во-вторых, первый консенсус был многосторонним, распространялся на ключевые элементы социально-экономического устройства и на другие сферы государственной жизни; второй имеет фрагментарный характер - по социально-экономическим вопросам принципиальных расхождений не возникло, однако конституционные реформы, федерализация страны вызвали полное неприятие консерваторов.

В-третьих, послевоенный консенсус сложился в один этап, быстро приобрёл законченный характер и уже к началу 1970-х годов исчерпал свой ресурс; второй складывался в два этапа - тэтчеризм и "новый лейборизм" и сформировался лишь к концу 1990-х годов. Соответственно он имеет более сложную структуру.

В-четвёртых, в послевоенный период партийная система строилась на отношениях двух политических партий - лейбористов и консерваторов; с 1970-х годов в игру вступили другие акторы, в первую очередь либералы/либерал-демократы и националистические партии, появились разноразмерные партийные конфигурации. Наконец, у сложившегося к настоящему времени рамочного межпартийного консенсуса партийно-политическая база подвижна. Если на уровне всеобщих парламентских выборов будет задействована избирательная система с пропорциональным элементом, то страну ждёт существенная партийная реконфигурация, структурное изменение соотношения сил между партиями.

4. Ведущие политические партии Великобритании, входившие в основную "тройку" - консерваторы, лейбористы и либералы/либерал-демократы, в зависимости от периода своей истории каждая по своему сочетали черты кадровой и массовой партии. Большую часть XX века к ним была применима характеристика "массовые бюрократические партии" с внутрипартийной иерархией, слоем профессиональных партийных функционеров, массовой базой при доминировании в механизме принятия решений высших партийных эшелонов. В 1980-90-е годы, подчиняясь изменениям социального состава общества и поведения избирателей, они развивались в направлении "партии для всех", или "электоральной профессиональной партии", в которой наравне с партийными функционерами появилось звено специалистов-профессионалов: консультантов по рекламе, специалистов по связям с общественностью и избирательным технологиям, вооружённых методологией политического маркетинга.

Следуя данной логике, крупные партии обретают черты "электоральной кадровой партии", жёстко структурированной по вертикали, потерявшей интерес к массовому членству, мобилизующей выгодные в каждый конкретный момент времени электоральные коалиции. Однако в чистом виде реализация такой партийной модели вряд ли возможна даже на нынешнем этапе развития политтехнологий. Пример тори, потерявших массовую базу в Шотландии и Уэльсе, красноречиво демонстрирует, к чему приводит ослабление работы на местах и пренебрежение постоянной сетью местных отделений, отвечающих за рекрутирование активистов и рядовых членов. В целом современные крупные британские партии находятся в переходном состоянии от "массовой бюрократической партии" к "электоральной профессиональной партии".

5. До сих пор лейбористы не выполнили обещание, данное перед всеобщими выборами 1997 г., - провести референдум о замене мажоритарной системы голосования. Возможно, это произойдёт после парламентских выборов 2005 г. В случае введения комбинированной избирательной системы в общенациональном масштабе возможны два сценария развития событий. Первый: усиление разнообразия политических идентификаций и плюрализма мнений, укрепление прав национальных меньшинств в рамках британской идентичности, сохранение общенационального характера электоральных баз ведущих британских партий. Второй: появление идентичностей, вступающих в противоречие с общенациональной, политизация этнических кливажей, усиление сепаратизма (ольстеризация отношений между Шотландией и Уэльсом, с одной стороны, и Англией, с другой), регионализация электората партий, подрыв принципов этнического и культурного разнообразия.

В настоящее время шансы на реализацию выше у первого сценария. Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что

английский "средний" избиратель принципиально не отличается от шотландского и уэльского за исключением того, что в двух последних случаях он имеет более левые взгляды, а также больше озабочен вопросами региональной идентичности.¹ Однако эти критерии не применимы к Северной Ирландии, которая частично уже находится в федеративных отношениях с Великобританией. Если процесс мирного урегулирования проблемы Ольстера на базе консociативной (сообщественной, на базе общественного согласия) модели демократии потерпит неудачу, и победу одержат силы этноконфессионального, а не гражданского национализма, принципы этой модели не будут востребованы в других регионах страны, и реализация второго сценария станет более вероятной.

6. Модернизация партийно-политической системы Великобритании выразилась не только в изменении её конфигурации и "правил игры", на основе которых действовали партии, но и в глубокой внутренней перестройке организаций, значительном, а порой принципиальном изменении их политической платформы. Общими для них чертами стали более чёткое внутреннее структурирование, укрепление дисциплины, параллельные процессы усиления позиций партийного руководства, демократизации механизма принятия решений и расширения прав рядовых членов ("не-лидеров"). Вместе с тем, баланс властных полномочий в ведущих партиях страны ещё больше сместился за счёт активистов и критически настроенных заднескамеечников ("суб-лидеров") в пользу "лидеров" (руководителей партий, переднескамеечников и лояльных членов парламентских фракций). Иная ситуация в большинстве малых партий, где руководящее звено подконтрольно активистам и рядовым членам, а пост лидера в ряде случаев отсутствует вовсе.

Вместе с тем, доминирование партийных элит в крупных партиях не было абсолютным ни раньше, ни теперь, а между "лидерами" и "суб-лидерами" сохраняется система сдержек и противовесов. Показательны раскол консерваторов при Джоне Мейджоре, чехарда со сменой лидеров тори в последние годы, проблемы лейбористов, связанные с избранием мэра Лондона и руководства Лейбористской партии Уэльса, "восстания" заднескамеечников в связи с войной в Ираке и т.д. Коллегиальность по-прежнему присуща процессу принятия решений. С 1997 г. политику правительства фактически определял дуумвират Тони Блэра и Гордона Брауна.

7. Существенные изменения претерпели партийные идеологии. В целом идеологическая составляющая партийной борьбы снизилась, и крупные партии перестали быть пристанищем чётко выраженных и узконаправленных идеологических программ. Партийная система на общена-

¹ David Sanders. *Electoral Competition in Contemporary Britain*. In: Colin Hay (ed.). *British Politics Today*. Cambridge: Polity Press, 2002. Pp. 93–99.

циональном уровне больше не предлагает альтернативу коллективизму - индивидуализму и базируется на всеобщем признании рыночной экономики. Все три крупнейшие партии - прорыночные. Лейбористская партия, заметно переместившись вправо, отказалась от классового подхода в политической борьбе, дистанцировалась от тред-юнионов и изменила свой устав, из которого была изъята установка на национализацию средств производства, распределения и обмена, признала равноценность государственной и частной форм собственности.

ЛПВ во многом потеряла социал-демократический характер, перейдя на позиции левого/социального либерализма. Тони Блэр не раз выражал сожаление по поводу того, что в своё время пути либеральной и социалистической мысли разошлись, и выступил за необходимость воссоздать коалицию "прогрессивных сил", примером которой он считает взаимодействие либералов и лейбористов в начале XX века. Беспрецедентное смещение ЛПВ вправо сделало её уязвимой для критики со стороны влиятельных сил не только правого, но и левого политического спектра. В то же время "новые лейбористы" остались верны идее государственной всеобщей системы образования и здравоохранения.

Идея "третьего пути", которую взяли на вооружение "новые лейбористы", была призвана найти новые формы сочетания коллективизма и индивидуализма, а не их противопоставления, по-новому трактовать ценности равенства и справедливости. "Третий путь" стал экспериментальной площадкой по поиску новых подходов к обеспечению справедливого и эффективного общественного устройства в условиях коррозии механизмов "государства благосостояния", ужесточения конкуренции на мировых рынках. В то же время он так и не превратился в полноценную идеологию. На смену концепциям "соучастия" и коммунитаризма пришли "государство социальных инвестиций" и "экономика знаний", которые в свою очередь уступают место идеям неопрогрессивизма, адаптированного рынка и государства-гаранта.¹

Консервативная партия, со своей стороны, отошла от прямолинейной трактовки рыночных реформ, свойственной периоду тэтчеризма, признала ряд важных социальных нововведений лейбористов, включая минимальный уровень оплаты труда, отказалась от однозначно негативного отношения к повышению социальных расходов государства, смирилась с реформой палаты лордов и с девальвацией, хотя открытым остаётся вопрос, не идут ли тори по пути превращения в партию английского национализма. Была развита идея "заботливого консерватизма", в партии усилилась оппозиция социальному авторитаризму.

¹ См.: Anthony Giddens (ed.). *The Progressive Manifesto*. Polity Press, 2003.

Несмотря на это, у консерваторов до сих пор отсутствует обновлённая идеологическая программа. Если в прошлом они традиционно называли себя партией, выражающей интересы всей нации, то теперь они проводят популистскую политику, ориентируясь на протестные группы электората: фермеров, охотников, водителей, сторонников ужесточения иммиграционного законодательства и т.п. Лишь в одном сегменте консерваторы претендуют на представление интересов большинства населения – среди противников присоединения Британии к еврозоне и европейской конституции.

Партия либеральных демократов, вобрав в себя богатые традиции английского либерализма и правой части британской социал-демократии, столкнулась, как и консерваторы, с трудностями при формировании своего идеологического кредо в условиях, когда многие её инициативы и лозунги в 1990-е годы были перехвачены лейбористами. Либерал-демократы воспользовались значительным поправлением ЛПВ, в результате которого оголился левый фланг британской политики. ПЛД заняла принципиальную позицию по вопросу о повышении верхней ставки подоходного налога для финансирования социального сектора, в первую очередь сферы образования. Другие отличительные черты партии: последовательный европеизм, включающий скорейшее присоединение страны к зоне евро и отказ от особых отношений с США, требование проведения всеобщих выборов по пропорциональной системе голосования, защита окружающей среды, промышленная демократия. Из трёх ведущих партий страны либерал-демократы наиболее активно поддерживают переход страны от вестминстерской к плюральной модели демократии и от унитарного устройства государства к федеральному.

Однако перед либерал-демократами стоит дилемма. Претендуя на оттеснение консерваторов с позиций главной оппозиции Её Величества, они нуждаются в перетягивании на себя части электората тори и, следовательно, идеологически должны смещаться вправо. Но при выборе этого варианта им грозит потеря левоцентристского электората, приобретённого за счёт поправления ЛПВ. Кроме того, электоральный разрыв между либерал-демократами и консерваторами пока слишком значителен, чтобы рассчитывать на замещение последних. Текущая политическая линия лидера ПЛД Чарльза Кеннеди заключается в том, чтобы использовать ошибки и слабые места обеих ведущих партий для продвижения электоральных интересов либерал-демократов и блокирование с лейбористами там, где это предоставляет ПЛД доступ к власти, особенно на региональном уровне.

8. Несмотря на модернизацию партийно-политической системы Великобритании под давлением внешних обстоятельств и на модернизацию самой страны под влиянием самих партий, проблема политической апа-

тии усугубляется. Опасность в том, что чем меньше граждан участвуют в политическом процессе, тем слабее легитимность политических институтов и сильнее отчуждение между гражданским обществом и государством. Интерес и доверие простых граждан к институтам представительной демократии и профессиональным политикам находятся на небывало низком уровне. Одновременно развилась густая сеть "однопроблемных групп" и новых социальных движений. Британские политологи задаются вопросом: возможен ли закат эпохи политических партий в том виде, в котором их знали до сих пор.¹

Пока на негативные тенденции, за исключением краткосрочного периода усиления политической активности граждан в 1997-99 гг., не смогли заметно повлиять ни развитие двухпартийной системы в сторону многопартийной, ни деволюция, ни либерализация правил голосования на выборах, ни распространение комбинированных и пропорциональных систем голосования. Возможно, это объективная тенденция в условиях индивидуализации общества, стирания классовых границ и размывания роли государства. Однако она чревата дестабилизацией политической системы представительной демократии.

Возможно, прошло слишком мало времени, чтобы меры, направленные на стимулирование политической активности граждан, принесли свои плоды, и дальнейшее внедрение принципов плюральной демократии в политической системе страны изменит ситуацию. Многое зависит от действий самого правительства и его способности занять более последовательную позицию в отношении развития плюральной модели демократии. Так, от проявления политической воли зависит, получат ли конституционные реформы лейбористов второе дыхание.

В 1970-е - 2005 гг. на общенациональном уровне двухпартийная модель устояла, лишь консерваторы и лейбористы имели возможность формировать центральное правительство. Лейбористская партия сумела парировать вызов, брошенный ей в 1980-е годы Альянсом либералов и социал-демократов, осуществить глубокую модернизацию и в следующее десятилетие вернуться к власти. Консерваторы в конце XX столетия оказались в положении, свойственном в недавнем прошлом лейбористам, - идеологически и организационно ослабленной политической партии,

¹ Andrew Gamble, Tony Wright. *Commentary: Is The Party Over? // Political Quarterly*, 73 (2), 2002. Столетием раньше Моисей Острогорский писал о возможной замене политических партий, в том числе британских, мобильными электоральными "коалициями граждан", см.: Moisei Ostrogorski. *Democracy and the Organisation of Political Parties*. Vol. 1, Chapter 8, Sections 2, 5. New York, 1902.

полной внутренних противоречий. К концу 1990-х годов "третья сила" британской политики - Партия либеральных демократов - оказалась на дальних подступах к позициям тори, претендуя на их замену в качестве главного конкурента лейбористов.

Громкие успехи ЛПВ на всеобщих выборах в 1997 и 2001 гг. и их третья подряд победа в 2005 г. не означают, что на общенациональном уровне двухпартийную модель сменяет модель доминирующей партии. Как в 1951-64 гг. и в 1979-97 гг., когда страной единолично руководили консерваторы, речь идёт о временном зависании политического маятника в пользу одной из партий, на этот раз в левоцентристском спектре (радикальном центре). Традиции политической культуры Великобритании, долговременные последствия конституционных реформ, запущенных лейбористами, другие объективные факторы вновь приведут его в движение. За усилением диспропорций в партийно-политической системе, вызванным нынешним доминированием Лейбористской партии, может последовать не только возврат к равновесной двухпартийной системе, но её слом и замена на многопартийную.

В 1970-е-2005 гг. партийно-политическая система Великобритании претерпела существенную трансформацию. Изменились внешняя среда, в которой она действовала, её структура, "правила игры" входящих в неё акторов. Происходило формирование обособленных партийно-политических подсистем с опытом многопартийности и коалиционного правления, распространение которого на Вестминстер - вопрос времени. Эти изменения проходили на фоне замены социал-реформаторского цикла либерально-рыночным, федерализации государственного устройства, сдвига Великобритании от мажоритарной к плюральной модели демократии. Современный этап модернизации партийно-политической системы Великобритании не завершён и займёт ещё немало времени.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Индивидуальные монографии:

Политический реформизм в Великобритании. 1970-90-е годы. М.: XXI Век - Согласие, 2001. (20 п.л.)

Политическая модернизация Великобритании: от вестминстерской к плюральной модели демократии. М: Доклады Института Европы N 158, 2005. (8,6 п.л.)

Главы в коллективных монографиях:

Левосторонность: проблемы и перспективы. // Альманах Форум 2000. На рубеже веков. М.: Весь мир, 2000. (1,3 пл.)

Глобализация в британской концепции "третьего пути". Глава 2. В: Государство и общество в условиях глобализации: взгляд слева. Отв. ред. А.А. Галкин. М.: ИСП РАН, 2003. (1,1 пл.)

Опыт Великобритании. Глава 2. В: Опыт ведущих западноевропейских стран в сфере поиска оптимальных взаимоотношений государства с частным бизнесом. М.: Доклады Института Европы N 137, 2004. (1,7 пл.)

"Третий путь": что дальше? От концепции соучастия до "нового прогрессивизма". В: Альманах Форум. Вызов XXI века. Глобализация и проблемы идентичности в многообразном мире. Отв. ред. Т.Т. Тимофеев. М.: Огни, 2005. (1,3 пл.)

Статьи в академических изданиях:

Британские лейбористы на пороге власти. В: Проблемы социал-демократии на пороге XXI века. М.: ИСП РАН, 1996. (1 пл.)

Победы и поражения современной социал-демократии. // Полис, N 3, 2000. (1,6 пл.)

100-летие британских лейбористов. // Современная Европа, N 4, 2000. (1,3 пл.)

Великобритания: Евроамерика западного мира. В: Современная Великобритания: проблемы и перспективы. Доклады Института Европы N 83. Отв. ред. В.Н. Шенаев. М.: "Флинта", 2001. (0,4 пл.)

Выборы 2001 г. в Великобритании: общее и частное. В: Великобритания после всеобщих выборов 2001 г.: результаты и тенденции. Доклады Института Европы N 91. Отв. ред. В.Н. Шенаев. М.: 2002. (0,3 пл.)

Усмирение терроризма: опыт Северной Ирландии. В: Терроризм и политический экстремизм: вызовы и поиски адекватных ответов. М.: Институт политического и военного анализа, 2002. (0,4 пл.)

Конец идеологии или контуры новой "большой идеи". В: Политическая мысль Великобритании: некоторые итоги и перспективы. Доклады Института Европы N 101. Отв. ред. Ал.А. Громыко. М.: 2002. (0,3 пл.)

Британия на внутрицивилизационном надломе. В: Россия и Британия в процессах европейской интеграции. Доклады Института Европы N 114. Отв. ред. Ал.А. Громыко. М.: 2003. (0,3 пл.)

Труд и власть. Британия в сравнительном контексте. // Современная Европа, N 4. М., 2002. (0,8 пл.)

Англия на постимперском пространстве: Уроки для России и Европы. Доклады Института Европы N 126. Отв. ред. Ал.А. Громыко. М.: Огни, 2003. (3 пл.)

Британия восстанавливает свои позиции. Беседа Лорда Хауэлла и Ал.А. Громыко // Современная Европа, N 2,2003. (0,7 пл.)

Британская ситуация. В: Европа: партии и выборы. Доклады Института Европы N 125. М.: Огни, 2003. (0,15 пл.)

Британские парадоксы. В: Европейский парламент. Проблемы и перспективы. Отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: Огни, 2004. (0,3 пл.)

Грозит ли Британии политическая апатия? В: Избирательный процесс в России: национальные особенности и европейский опыт. Доклады Института Европы N132. М.: Огни, 2004. (0,2 пл.)

Мал золотник, да дорог. Малые партии в современной Великобритании. // Современная Европа, N 2,2005. (1 пл.)

Внешняя политика Великобритании: от империи к "осевой державе". // Космополис, N1(11), весна 2005. (0,9 пл.)

Эволюция партийно-политической системы Северной Ирландии в процессе мирного урегулирования. В: Учёные записки - 2005. Дипломатическая академия МИД РФ. М.: Научная книга, 2005. (1 пл.)

Статьи в периодических изданиях:

Первомай под знаком выборов. // Независимая газета, 30 апреля 1997. (0,3 пл.)

Два года правительства Тони Блэра. // Независимая газета, 5 июня 1999. (0,2 пл.)

Великобритания - Евроамерика западного мира. // Независимая газета, 7 июня 2001. (0,6 пл.)

Лондон в зону евро не спешит. // Независимая газета, Дипкурьер, 9 июня 2003. (0,2 пл.)

По дороге в евроленд. // МОБИ, журнал посольства Великобритании в РФ. N 6,2003. (0,3 пл.)

Лондону мешает островной менталитет. // Независимая газета, Дипкурьер, 3 марта 2003. (0,3 пл.)

Парадоксы Тони Блэра. // Независимая газета, Дипкурьер, 21 апреля 2003. (0,4 пл.)

"Тефлоновый" Тони потерял запас прочности. // Независимая газета, Дипкурьер, 27 октября 2003. (0,25 пл.)

В Ольстере опять шумят, но уже не стреляют. // Независимая газета, 1 марта 2004. (0,2 пл.)

Лейбористы победят вопреки Блэру. // Независимая газета, Дипкурьер, 11 апреля 2005. (0,25 пл.)

Подписано в печать 10.04.2005 Формат 60х90/16
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 2,5; печ. л. 2,69
Заказ 104
Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Огни ТД»
123098, Москва, ул. Маршала Новикова, д. 4, корп. 1
тел/факс 196-08-28
E-mail: OgniBook.Aleks@mail.ru

587

11

09 JUN 2005